

Убийство Помазанника Божия.

Святой Царь Николай II воспринимается нами сегодня как ангел, посланный Богом на землю накануне апокалиптических бурь в России и во всём мире. Он был дан, чтобы явить образец православного Государя на все времена, чтобы показать, чего мы лишаемся, теряя православную монархию.

Вместо Помазанника Божия Россия получила помазанников сатанинских. Всё перевернулось, всё тут же смело. Всякие попытки удержать распад были напрасны. Даже либерал В.Набоков вынужден был констатировать, что как только восторжествовала «полная законность и справедливость», о которой мечтали либералы, тут-то и началось самое страшное кровавое беззаконие.

Убийство Царя Николая Александровича является, может быть, центральным событием истории XX столетия. Оно было подготовлено, как писал архимандрит Константин Зайцев, тем, что «мистического трепета перед Царской властью и религиозной уверенности, что Царь-Помазанник несёт с собой благодать Божию, от которой нельзя отпихиваться, заменяя её своими домыслами, уже не было, это исчезло». Как, добавим, ещё раньше исчезло во всём остальном мире.

Это не в один день произошло, и началось не в период правления Государя Николая Александровича. Уже в программе декабристов обязательным пунктом было уничтожение Царского рода, а английская и французская революции решили эту проблему ещё раньше. Идея строительства земного царства с отвержением Небесного постепенно развивается в глубине веков и в перспективе неминуемо должна отождествляться с последними апокалиптическими событиями истории.

Нелепо обвинять, как это делают историки-прогрессисты, во всех бедах нашего святого Царя. Как будто не было ещё до его царствования нигилистов, как будто не подвергалась в последний период жизнь верных слуг Царя и Отечества каждодневной опасности от террористов, как будто не пророчествовали святые Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник и Иоанн

Кронштадтский о скорой и страшной катастрофе за грехи русского народа! Но на самом деле всё *начинается* гораздо раньше.

Русская Церковь знает такой вид святости, как страстотерпчество: прославляет тех, кто терпел страдания. В сердце русского народа святые князья-страстотерпцы занимают особое место. Они были замучены как будто не за исповедание своей веры, а стали жертвами политических амбиций, вызванных кризисом власти. Но это было страданием за верность Христу – за Христа! Поражает сходство их невинной смерти со страданиями Спасителя. Как Христос в Гефсимании, первые русские мученики Борис и Глеб были захвачены хитростью, но не проявили никакого сопротивления, несмотря на готовность их приближённых спасти их. Как Христос на Голгофе, они молились за своих палачей. Как Спаситель в предсмертной муке, они испытывали искушение поступить по своей воле, и, как Он, отвергли его.

В сознании юной Русской Церкви это соединилось с образом той невинной жертвы, о которой говорит пророк Исаия: «как овца, Он был веден на заклание, и как непорочный агнец перед стрегущим его, безгласен». «Повар же Глеба по имени Турчин, — пишет летописец, — зарезал его, как ягненка». Точно такими же страстотерпцами были князья киевский и черниговский Игорь, тверской князь Михаил, царевич Дмитрий Угличский, и князь Андрей Боголюбский.

В страданиях и смерти этих святых есть многое, объединяющее их с судьбой Царственных мучеников. И в обстоятельствах смерти святого князя Игоря, в том, что он был убит, когда не мог уже угрожать ничьей власти, в предсмертной молитве перед иконой Божией Матери, есть что-то до боли роднящее его с екатеринбургскими пленниками. Та же скорбь, и та же молитва, которой молились Царственные мученики за последним богослужением, те же наглые издевательства разнузданной стражи и звериная ярость толпы, как при убийстве святых князей Игоря, Михаила и Андрея, тот же ужас, вплоть до поразительного, более чем только внутреннего, совпадения подробностей. Кажется, вслушайся, и услышишь в глубине древних веков, как эхо, гремящие выстрелы наганов из подвала Ипатьевского дома. То же надругательство над мёртвыми телами и сатанинское неистовство, с которыми уничтожалась всякая память о них, и даже о доме, где произошло преступление.

Присутствие «тайны беззакония» зримо даже во внешних обстоятельствах екатеринбургского злодеяния. Как отмечал еще генерал Дитерихс, династия Романовых началась в Ипатьевском монастыре Костромской губернии и кончилась в Ипатьевском доме города Екатеринбурга. Слугами веельзевула, которые скоро будут строить общественные туалеты на месте алтарей и взорванных храмов, сознательно было выбрано и место, и день преступления, совпавший с днем памяти святого Андрея Боголюбского –

того князя, который если не по имени, то по существу был первым русским Царём.

Враги прекрасно понимали, что уничтожение «всей великой ектении», по выражению Ленина и Троцкого, явится поруганием той клятвы верности перед Крестом и Евангелием, которой поклялся русский народ на соборе 1613 года, строить жизнь во всех её сферах, в том числе государственной и политической, на христианских принципах.

Миллионы православных христиан в России, отрекшихся от своей веры, участвовали в этом преступлении. Великие революции, которые являются попытками временного «спасения» человечества – не должны ли они, приходя к логическому завершению, стать войной не только против Помазанника Божия, но и против всей Церкви, стремлением освободиться от всех форм священного и даже, в конце концов, от правды и справедливости?

И действительно, после революции в России Церковь предстала для многих уже как устаревший институт, осуждённый на исчезновение.

Весь смысл революции 1917 года в этом. Здесь происходит экзамен человеческой цивилизации, и потому все силы зла были напряжены в противостоянии православной монархии. Разве случайно, что именно коммунистическая, марксистско-ленинская идеология, в конечном счёте, со всей ненавистью обрушилась на Помазанника Божия? Это было предельное выражение хилиастического лжеучения с надеждой на земное царство. А второй эшелон его наступает сейчас с отменой всех нравственных препятствий для достижения земного счастья. И долго нам ещё предстоит осознавать, что не только цареубийство, но и детоубийство, начало уничтожения и разорения миллионов христианских семей, означает это событие века.

Говоря о святости Царя Николая Александровича, мы обычно имеем в виду его мученический подвиг, связанный, разумеется, со всей его благочестивой жизнью. Но следовало бы внимательнее всмотреться именно в подвиг его отречения – подвиг исповедничества. Мы не раз говорили о том, что здесь раскрылся его подвиг смиренного принятия воли Божией. Но исключительное значение имеет и то, что это подвиг сохранения в чистоте церковного учения о православной монархии. Чтобы яснее это понять,

вспомним, кто добивался отречения Государя. В первую очередь — те, кто добивался поворота русской истории к европейской демократии или, по крайней мере, к конституционной монархии. Социалисты и большевики явились уже следствием и крайним проявлением материалистического понимания истории.

Известно, что многие из тогдашних разрушителей России действовали во имя её созидания. Среди них много было по-своему честных, мудрых людей, которые уже тогда искали, «как обустроить Россию». Но это была, как говорит Писание, «мудрость земная, душевная, бесовская». Камень, который отвергли тогда строители, был Христос и Христово помазание.

Помазание Божие означает, что земная власть Государя имеет источником Божественную силу. Отречение от православной монархии было отречением от Божественной власти. От власти на земле, которая призвана направлять общее течение жизни к духовным и нравственным целям — к созданию условий, максимально благоприятных для спасения многих, власти, которая «не от мира сего», но служит миру именно в этом, высшем смысле. Разумеется, «любящим Бога все содействует ко благу», и Церковь Христова совершает спасение при любых внешних условиях. Но тоталитарный режим и, в особенности, демократия создают атмосферу, в которой, как мы видим, среднему человеку не выжить.

И предпочтение иного рода власти, обеспечивающей, прежде всего земное величие, жизнь по своей, а не Божией воле, по своим похотям (что называется «свободой») не может не привести к восстанию на Богом установленную власть, на Помазанника Божия. Они хотели показать, что вся власть принадлежит им, вне зависимости от какого-то Бога, а благодать и истина Помазанника Божия нужны только для украшения того, что им принадлежит. Это означало бы, что любое беззаконие, которое совершит эта власть, будет совершаться как бы по прямому благословию Божию. Это был сатанинский замысел — осквернить благодать, смешать истину с ложью, сделать бессмысленным, декоративным помазание Христово. Создалась бы та «внешняя видимость», в которой, по слову святителя Феофана Затворника, раскрывается «тайна беззакония». Если Бог становится внешним, то и православная монархия, в конце концов, становится только украшением нового мирового порядка, переходящего в царство антихриста. И пока существует человеческая история, враг

никогда не оставит этого замысла.

Царь не отступил от чистоты помазания Божия, не продал Божественного первородства за чечевичную похлёбку земного могущества. Смысл отречения Государя – спасение идеи христианской власти, и потому в нём надежда на спасение России, через отделение тех, кто верен данным Богом принципам жизни, от тех, кто неверен, через очищение, которое наступает в последующих событиях. Как до революции, так и теперь главная опасность заключается во «внешней видимости». Многие верят в Бога, в Его Промысл, стремятся установить православную монархию, но в сердце своём полагаются на земную силу: на «коней и на колесницы». Пусть, говорят они, всё будет как самый прекрасный символ: крест, трёхцветное знамя, двуглавый орёл, а мы будем устраивать своё, земное, по нашим земным понятиям. Но мученическая кровь Царя обличает отступников, как тогда, так и теперь.

Можно делать какой угодно исторический, философский, политический анализ, но духовное видение всегда важнее. Нам известны эти пророчества многих наших святых, которые понимали, что никакие экстренные, внешние государственные меры, никакие репрессии, никакая самая искусная политика не в состоянии изменить ход событий, если не будет покаяния у русского народа. Подлинно смиренному уму святого Царя Николая было дано увидеть, что это покаяние будет дано дорогой ценой. Все остальные рассуждения в этом свете исчезают как дым.

Все наказания – лекарства, и чем горше болезнь, тем большее врачевание. Мы более всего боимся сегодня утраты независимости России, и это понятно. Но не следует путать следствие с причинами: все самые ужасные, самые разорительные иноземные нашествия – будь то Батый, Наполеон или Гитлер – ничто по сравнению с полчищами бесов, заполняющими всё в народе.

В событии отречения Государя, по сути, преломляются все главные события священной истории, смыслом которых всегда является одна и та же тайна. Для чего было египетское рабство и вавилонский плен богоизбранного народа, если не для того, чтобы всё упование его было на единого Бога? Что означала римская оккупация Израиля во времена земной жизни Спасителя? То же, что и октябрьская революция 1917 года с её искушением земного благополучия без Бога.

В том-то и дело, что желание сохранить православную монархию любой ценой ничем не отличается от того безбожия, которое обнаружилось в насильственном её уничтожении. Это была бы та же попытка найти твёрдую опору помимо Бога – эта опора всегда, по слову пророка, оказывается «подпорою тростниковою» – «когда они ухватились за тебя рукою, ты

расщепился и все плечо исколол им, и когда они оперлись на тебя, ты сломался и изранил все чресла их» (Иез. 29, 7).

Как говорил в 1932 году святитель Николай (Велимирович), «русские в наши дни повторили Косовскую битву. Если бы Царь Николай прилепился к царствию земному, царству эгоистических мотивов и мелочных расчётов, он бы, по всей вероятности, и сегодня сидел на своем троне в Петербурге. Но он прилепился к Царствию Небесному, к Царству небесных жертв и евангельской морали, и из-за этого лишился жизни сам, и чада его, и миллионы собратьев его. Еще один Лазарь и еще одно Косово!»

Своим подвигом страсотерпчества Царь посрамил, во-первых, демократию – «великую ложь нашего времени», по выражению К.П. Победоносцева, когда все определяется большинством голосов, и, в конце концов, теми, кто громче кричит: «Не Его хотим, но Варавву» – не Христа, но антихриста. И, во-вторых, в лице ревнителей конституционной монархии он обличил всякий компромисс с ложью – не менее великую опасность нашего времени.

Были у нас выдающиеся Цари: Петр I, Екатерина Великая, Николай I, Александр III, когда Россия достигла расцвета с великими победами и благополучным царствованием. Но Царь-мученик Николай есть свидетель истинной православной государственности, власти, построенной на христианских принципах.

Главный духовный смысл сегодняшних событий – итог минувшего XX века – всё более успешные усилия врага, чтобы «соль потеряла силу», чтобы высшие ценности человечества превратились в пустые, красивые слова. Если возможно покаяние народа (а не разговор о покаянии), то оно возможно только благодаря той верности Христовой благодати и истине, которую явили Царственные мученики и все новые мученики, и исповедники Российские.

Тот же свет присутствует в пророческом завещании Царя, переданном его дочерью, о том, что зло, которое сейчас в мире (то есть, революция 1917 года), будет еще сильнее (то, что происходит сегодня), но не зло победит, а любовь, и в крестной молитве родной сестры Царицы за весь русский народ: «Господи, прости им, не знают, что творят». Только благодаря этой верности, этому свету есть среди беспросветности наших дней надежда, которая не постыжает.

Протоиерей Александр ШАРГУНОВ.